

Историография

Число работ, затрагивающих дальневосточную политику России конца XIX – начала XX вв. огромно и насчитывает не одну тысячу названий. Правда, большинство из них касаются этой проблемы «вскользь» либо представляют собой пересказ других сочинений. Число же настоящих исследований, выполненных на основании добротной документальной базы, невелико.

Конечно, большое внимание уделялось этому вопросу в отечественной историографии в связи с происхождением русско-японской войны. Это задало исследовательский дискурс «кто виноват?», оказавший несомненное и сильное негативное влияние на историографию. Поиск виноватых в конфликте начался ещё во время войны. Разумеется, обоснованные ответы появились несколько позже. Причины, приведшие Россию к войне с Японией, и сама война стали предметом изучения Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны, начавшей свои занятия в октябре 1906 г. В её состав под председательством генерала В.И. Гурко вошли К.М. Адариди, М.В. Грулёв, П.Н. Симанский, Ф.П. Рёрберг, С.П. Илинский, А.М. Хвостов, В.Н. Минут, Н.Н. Сиверс, А.В. фон Шварц, Н.А. Корф, К.К. Агафонов (заведовал её архивом)¹. На первом заседании комиссии, состоявшемся 9 октября 1906 г., военные исследователи решили, что результатом их деятельности станут восемь томов истории войны. Историки-офицеры использовали в работе в основном материалы Военного министерства (общий архив Главного штаба) и писали они преимущественно об армии, о ходе военных действий.

Исключение составил первый том, излагавший причины конфликта и подготовку сторон к нему. Его поручили полковнику П.Н. Симанскому. Книгу следовало сдать в печать к 1 марта 1909 г., а вся работа комиссии должна была завершиться к 1 января 1910 г. Большинство авторов, в том числе и П.Н. Симанский, в срок не уложились. И не удивительно, так как он только в марте 1907 г. приступил к сбору материала². С начала 1908 г. полковнику удалось

¹ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т.1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка России и Японии к этой войне в политическом отношении. СПб., 1910. С.V, VII.

² Симанский П. Дневник генерала Куропаткина (из моих воспоминаний) // На чужой стороне. 1925. №11. С.62.

получить доступ к архиву МИДа, причём если сначала П.Н. Симанский получал в день лишь 2–3 дела из рук чиновника, то вскоре отношение к нему изменилось. «Дела я стал сам брать из указанных мне шкапов, <...> много позже все неиспользованные днём дела стал уносить к себе на квартиру и таким образом резко расширил уделённые работе часы <...> Я работал здесь почти полных два года»³. Исследование увлекло автора: «материал был в высшей степени благодарный. Передо мной раскрылись широкие горизонты мировой политики, поднялись таинственные завесы, прошли своими поучительными страницами письма главнейших деятелей, мелькнули, а местами и отчётливо выявились людской ум и ловкость, низость и предательство, хитрость и простая измена, великодушие и простота, наивность и запуганность, упорство и систематичность. Я, не отрываясь, перечитывал многочисленные письма, депеши и ноты, знакомился с царскими резолюциями, любовался блестящими по стилю докладами Гартвига, интересными донесениями Извольского из Токио, пророческими предсказаниями барона Розена, великолепными по французскому языку письмами Нелидова; копался в спутанных документах по делу Ялу, в загадочном материале по гульскому инциденту, в бесконечной переписке по очищению нами Маньчжурии»⁴. Кроме архива внешнеполитического ведомства П.Н. Симанский получил для работы «громадную связку» дел из Министерства финансов, а также многочисленные материалы Военного министерства. Благодаря содействию Н.А. Корфа офицер имел доступ к бумагам А.М. Безобразова, в числе которых был «полный подбор разновременно поданных им докладных записок» по Дальнему Востоку⁵. Это обстоятельство приобретает особую ценность из-за того, что личный архив А.М. Безобразова, по-видимому, не сохранился. Н.А. Корф свёл П.Н. Симанского и с В.М. Вонлярлярским, у которого полковнику также удалось добыть «целую кипу» документов⁶. Разумеется, рамки работы резко расширились, и вместо одной книги у военного историка получился трёхтомник⁷. Однако его напечатали в количестве всего семи экземпляров с грифом «секретно»⁸.

В 1994 г. труд П.Н. Симанского был переиздан в России под другим названием («Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы (? – И.Л.) отечественной военной ориенталистики»), которое совершенно не отражает суть исследования. Казалось бы, перепечатку этой незаурядной ра-

³ Там же. С.64.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С.73–74.

⁶ Там же. С.74.

⁷ Симанский П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891–1903 гг.). Ч. I–III. СПб., 1910.

⁸ Симанский П. Дневник генерала Куропаткина... С.61–99.

боты следовало сопроводить вводной статьёй, объясняющей обстоятельства её появления и место в историографии. Вместо этого, читателям были предложены отвлечённые рассуждения генерала от истории В.А. Золотарёва и его соавтора В.И. Шеремета о дальневосточной политике России начала XX в., изобилующие нелепыми оценками и по уровню владения проблемой сильно уступающие труду П.Н. Симанского. В завершение всего публикатор переделал справочный аппарат трёхтомника, заменив постраничные сноски на концевые для каждого тома, да ещё и сделал их двойными (это когда в сноске содержится отсылка на источник, находящийся в списке под определённым номером). Учитывая, что источниками работы служили почти исключительно архивные документы, такое «усовершенствование» привело лишь к тому, что пользоваться справочным аппаратом стало весьма сложно. Этого В.А. Золотарёву показалось мало: в силу собственного разума он ещё и внес в сноски некоторые «исправления», искажающие их. В общем, получился образец того, как не следует перепечатывать исторические исследования.

Для публики из труда П.Н. Симанского была сделана краткая выжимка, опубликованная как первая глава первого тома – «События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка России и Японии к этой войне в политическом отношении»⁹. Она была призвана изложить политические события, приведшие к вооружённому конфликту. Даже в кратком очерке взгляды П.Н. Симанского проступили весьма явственно. Он связал активность России на Дальнем Востоке с агрессивной деятельностью там других великих держав, особенно Англии (С.2). Офицер рассматривал политику Петербурга в регионе как вынужденное противостояние извечным своим соперникам в Европе с тем, чтобы вместо слабых Китая и Кореи не иметь у своих незащитных дальневосточных рубежей сильного соседа вроде Великобритании (С.4). Какие-либо экспансионистские замыслы у российского руководства вообще не отмечены автором. Наоборот, даже когда можно было отхватить себе что-то, например, в 1900 г. Маньчжурию, то ради дружбы (!) с Китаем Россия великодушно отказалась от этого (С.17). Причина же конфликта с Японией, по мысли военного историка, заключалась в агрессивной политике Страны восходящего солнца в Корее. Ей препятствовали безобразовцы, озбоченные защитой российских рубежей (С.25–27, 29). П.Н. Симанский, вопреки мнению подавляющего большинства своих современников, с нескрываемой симпатией относился к их деятельности. Он завершил очерк подробным изложением хода последних

⁹ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т.1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка России и Японии к этой войне в политическом отношении. СПб., 1910. С.1–84.

перед войной русско-японских переговоров, упирая на ультимативность и непомерный размах японских требований к России (С.31 и далее).

Являлась ли позиция, изложенная военным историком, официальным объяснением причин войны? Автор утверждал, что не выполнял никакого политического заказа и что они получили от царя напутствие писать правду, невзирая на личности¹⁰. Работы по мере их завершения просматривал лишь генерал В.И. Гурко, никакой цензуры, по свидетельству П.Н. Симанского, не было¹¹. В комиссии отсутствовал единый подход: каждый автор трудился над своим томом самостоятельно, его взгляды не обязательно сочетались с представлениями коллег. Правда, текст П.Н. Симанского не по его воле оказался ещё в рукописи в руках у Е.И. Алексеева благодаря услужливости перед бывшим заместителем дипломатического чиновника Г.А. Плансона. Но адмирал ограничился мелкими замечаниями, носившими преимущественно личный характер¹². Тем не менее, сомнения в беспристрастности некоторых авторов возникли. Одни из членов комиссии – Ф.П. Рёрберг, пострадавший за жёсткую критику действий А.Н. Куропаткина, – отметил, что он был единственным, кто сдал свой труд в назначенное время и не получил за это очередного звания. Тогда как П.Н. Симанский и двое его коллег стали обладателями генеральских погон, несмотря на то, что не завершили свои тома в срок. Возможно, что не последнюю роль в этом играл подход к изучаемому вопросу¹³. Во всяком случае, несомненно, что точка зрения, изложенная П.Н. Симанским, была близка по духу Николаю II.

В свою очередь, С.Ю. Витте инспирировал появление нескольких сочинений для оправдания своих действий. Они базировались на предоставленных им документах и представляли удобную ему точку зрения. В 1908 г. Б.Н. Демчинский (сын известного инженера, метеоролога, близкого С.Ю. Витте Н.А. Демчинского) издал книгу «Россия в Маньчжурии (по неопубликованным документам)»¹⁴. Такой подзаголовок должен был привлечь внимание читателя. Правда, автор не дал подробной характеристики использованных им материалов, поэтому часто о том, что именно оказалось у него в руках, приходится только догадываться. Однако Б.Н. Демчинский оказался действительно хорошо осведомлён в документах, касавшихся русской дальневосточной политики.

¹⁰ Рёрберг Ф.П. Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений. Записки участника русско-японской войны 1904–1905 гг. и члена Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. 1906–1909 гг. Мадрид, 1967. С.288–289.

¹¹ Симанский П. Дневник генерала Куропаткина... С.65.

¹² Оригиналы записочек Е.И. Алексеева сохранились в личном архиве П.Н. Симанского (ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.19. Л.1–10).

¹³ Рёрберг Ф.П. Указ. соч. С.343–344.

¹⁴ Демчинский Б.Н. Россия в Маньчжурии (по неопубликованным документам). СПб., 1908.

Так, публицист подробно изложил меморандум А.П. Кассини, приготовленный в Министерстве финансов для переговоров о железной дороге в Маньчжурии (который, кстати, сейчас отсутствует в архиве С.Ю. Витте) (С.25–29). Рассказал он и об истории захвата Порт-Артура и об Особом совещании, ему предшествовавшем (С.34–35), а также об особых совещаниях 1903 г. (С.66–74). Много места в книге уделено всеподданнейшему докладу С.Ю. Витте о поездке на Дальний Восток осенью 1902 г. и боксёрскому восстанию. Автор спел гимн мирной, экономической политике С.Ю. Витте на Дальнем Востоке: «До недавнего времени весь исполинский рост России обуславливался почти исключительно её военным могуществом, и только вступление в Маньчжурию открывало новый путь культурно-экономического завоевания чужой страны. <...> Впервые было найдено приложение такому виду государственного творчества, которое завоёвывает целые области и порабощает народы, не вынимая меча, не проливая капли крови и даже не брящая оружием. Здесь, в зародышевом состоянии, должны были впервые обозначиться некоторые новые свойства, новые признаки России как нации, дебютирующей в роли мирного, культурно-экономического борца» (С.82). «Причину разрыва России с Японией» автор усмотрел в деятельности безобразовцев (С.9) – в частности, в предприятии на р. Ялу, которое назвал «самой тёмной страницей нашего пребывания на Дальнем Востоке» (С.8). Вина А.М. Безобразова состояла в том, что он отвергал разграничение сфер влияния в регионе, чего добивались японцы (С.75). В общем, точка зрения С.Ю. Витте была представлена Б.Н. Демчинским довольно полно, но вряд ли убедительно для читателя как по выводам, максимальное упрощение которых не придало им бесспорности, так и по скучноватому языку.

Бывший министр финансов не остановился на этом в распространении своих взглядов о виновниках русско-японской войны. Наиболее аргументировано точка зрения С.Ю. Витте была представлена в появившемся позже «Прологе русско-японской войны»¹⁵. Это объёмное сочинение, подготовленное сотрудниками графа по его заказу, отражало исключительно точку зрения бывшего министра финансов как на российскую политику в регионе, так и на причины русско-японской войны¹⁶. Сановник предстал перед читателем как поборник исключительно мирной, экономически ориентированной политики России в Китае, исходившей из многолетней дружбы и добрососедства двух империй (С.23–24). Прежде звучавшие резкие оценки М.Н. Муравьёва (за Порт-Артур), А.Н. Куропаткина и безобразовцев были значительно смягчены. Однако, по сути, они не изменились, просто утратили прямоли-

¹⁵ Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С.Ю. Витте. С предисловием и под ред. Б.Б. Глинского. Пг., 1916.

¹⁶ Подробнее об обстоятельствах появления «Пролога...» см.: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте – мемуарист. СПб., 1994.

нейность. Так, в книге утверждается, что «дружеские» отношения Китая и России в 1898–1900 гг. сменились на недружелюбную политику пекинского правительства (С.78). Нетрудно догадаться, почему это произошло. Политика России в Маньчжурии после 1900 г. излагается на фоне повышенного внимания к ней других держав (как будто ранее такого не наблюдалось) (С.146–163) – понятно, что это камень в огород А.Н. Куропаткина, стремившегося аннексировать хотя бы её северную часть (С.175 и др.). Один С.Ю. Витте выступал за полный вывод русских войск из Северного Китая (С.174), при этом не слова не говорится о том, какими условиями министр финансов обставлял этот вывод. Наконец, это будущий граф предлагал совершенно поступиться Кореей в пользу Японии (С.189), его не послушали – и вот вам война. Ответственность за конфликт в книге возлагается на неразумную политику безобразовцев с их предприятием на р. Ялу, которые сумели разрушить единое ведение внешней политики, добившись передачи её на Дальнем Востоке в ведение наместника Е.И. Алексеева (С.351–352). Разумеется, провал переговоров с Токио – дело рук прежде всего русской стороны. Конечно, в книге нет прямого упоминания главного виноватого, но он постоянно присутствует – это Николай II, не слушавший советов своего министра финансов и доведший таким образом всю политику до полного краха. «Пролог...» – наиболее тонко составленное изложение дальневосточной политики России, но это ещё не сделало его бесспорным.

В 1918 г. увидело свет исследование, подготовленное Исторической комиссией по описанию деятельности флота в войну 1904–1905 гг., которая действовала при Морском Генеральном штабе¹⁷. В комиссию входило 19 человек при двух председателях. Этот авторский коллектив написал историю русского флота на Тихом океане на рубеже XIX–XX веков. Офицеры работали над текстом каждый по 1–2 года, получился значительный том (505 страниц), насыщенный фактами. Он был основан преимущественно на архивных документах из Морского министерства, но использовались и документы Министерства финансов, Министерства иностранных дел и некоторых других ведомств. Авторы впервые ввели в научный оборот значительное количество архивного материала, что позволило им осветить многие вопросы, которые включали не только собственно историю Тихоокеанской эскадры, но и такую проблему, как поиск незамерзающего порта, злключения вокруг приобретения участков на корейском побережье и некоторые другие. К сожалению, эта книга оказалась забыта и по сей день практически не известна и не используется даже специалистами.

¹⁷ Русско-японская война 1904–1905 гг. Часть I. Русские морские силы на Дальнем Востоке с 1894 г. по 1901 г. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном штабе. Пг., 1918.

В остальном же в дореволюционной историографии и не могли появиться исследования, на документальной основе рассмотревшие бы колоссальный клубок проблем дальневосточной политике России. Хотя архивы и не были совершенно закрыты, доступ к ним получали единицы. Те же комплексы материалов, которые использовались, оказались сознательно выброшены в историографический и публицистический оборот двумя сторонами: С.Ю. Витте и безобразовцами, соответственно, с определёнными целями, поэтому страдали неполнотой и тенденциозностью. Не удивительно, что историография носила дискретный характер, её представляли по большей части публицистические сочинения, в которых давались лишь общие оценки¹⁸. Слабость таких трудов состояла в том, что эти оценки в подавляющем большинстве случаев были недостаточно обоснованы, отражая личное мнение автора (или тех, кто стоял за ним).

Всплеск исследовательского интереса к теме произошёл после 1917 г., когда историки, наконец, получили на некоторое время широкий доступ ко всем царским архивам. В 1920–1930-е гг. в СССР появился ряд работ, посвящённых изучению дальневосточной политики России рубежа XIX–XX веков. В первую очередь, это книга Б.А. Романова «Россия в Маньчжурии»¹⁹, которая выросла из его статей, посвящённых критике воспоминаний С.Ю. Витте, где граф писал о своих действиях на Дальнем Востоке как министра финансов²⁰. Работы же историка опровергали содержание мемуаров, показывали, что С.Ю. Витте для самооправдания создал совершенно ложную картину своей политики²¹.

¹⁸ Панов В. Историческая ошибка. Владивосток, 1908; Семёнов-Тян-Шанский А.П. Наши ближайшие задачи на Дальнем Востоке. СПб., 1908; Дружинин К.И. Наша современная политика – стратегия на Дальнем Востоке. СПб., 1910; Быковский Н. Начало русско-японской войны. Одесса, 1911; Меркулов С.Д. Русское дело на Дальнем Востоке. СПб., 1912; Денисов В.И. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1913; Гейден А.Ф. Итоги русско-японской войны. Пг., 1914 и др.

¹⁹ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.

²⁰ Романов Б.А. Витте и концессия на р. Ялу. (Документальный комментарий к «Воспоминаниям» гр. С.Ю. Витте) // Сборник статей по русской истории, посвящённых С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С.425–459; он же. Концессия на Ялу. К характеристике личной политики Николая II // Русское прошлое. Кн.1. Пг., 1923. С.87–108; он же. «Лихунчгский фонд». (Из истории империалистической политики на Дальнем Востоке) // Борьба классов. 1924. №1/2. С.77–126 и др.

²¹ О биографии Б.А. Романова уже опубликовано внушительное по размеру исследование: Панях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. К сожалению, среди задач, поставленных автором перед собой, нет анализа работ Б.А. Романова (С.5). Не вдаваясь в содержание книги «Россия в Маньчжурии», он, тем не менее, оценил её как «фундаментальную» (С.145) и пошёл по другому пути: подробно пересказал выявленные им рецензии на исследования Б.А. Романова, относясь сочувственно к положительным и негативно – к критическим.

Книга Б.А. Романова – явление в советской историографии²². Прежде всего, она основана на весьма значительном архивном материале, что придало картине, нарисованной историком, убедительность. В монографии также ярко проявилась отличительная черта работ Б.А. Романова – блестящее умение устанавливать связи различных фактов. Это мастерство историка, которым можно только восхищаться. Оригинален и стиль исследователя – это не простое изложение или пересказ событий, а авторское понимание их значения и места в создаваемой им картине. Однако опора Б.А. Романова на архив канцелярии министра финансов имела не только положительные стороны: картина российской политики в Маньчжурии получилась деформированной, с преобладанием действий и намерений Министерства финансов. Непонятным является игнорирование текстов предшественников: в значительной по объёму монографии на 605 страницах в ссылках упоминается всего лишь 47 названий других изданий (я не беру в расчёт сноски на собственные работы автора). Из них 30 – источники и лишь 17 – исследования, среди которых есть единично встречающиеся. На фоне уже колоссальной к тому времени литературы, связанной как с дальневосточной политикой России, так и с Маньчжурией, такое отношение к трудам предшественников выглядит необычно.

В книге «Россия в Маньчжурии» Б.А. Романов фактически отождествил действия С.Ю. Витте на Дальнем Востоке с внешней политикой империи (С.VI), определив предметом своего исследования работу «русской дипломатии». Не удивительно, что автор связал появление «маньчжурского вопроса» не со строительством Сибирской железной дороги, что было бы логично для экономической истории, а с японо-китайской войной 1894–1895 гг. (С.3). В продолжение этого тезиса историк обусловил появление КВЖД решением Особого совещания 20 марта 1895 г. и вытеснением Японии с Ляодуна (С.80–81). Однако выбор автора оказался не так однозначен. Одновременно он отнёс идею КВЖД по крайней мере к 1894 г., связав её с изыскательскими экспедициями в Маньчжурию (С.84). Б.А. Романов был также уверен, что С.Ю. Витте играл «руководящую роль» «в направлении русской политики и в работе русской дипломатии на Дальнем Востоке» (С.VIII). Эти исходные установки Б.А. Романова не имеют фактического подтверждения и нуждаются, как минимум, в уточнении. С.Ю. Витте был лишь одним из тех, кто определял русскую политику на окраине. Говорить о его доминирующей роли можно лишь применительно к периоду: весна 1895 г. – зима 1897 г., пока М.Н. Муравьёв не положил ей конец, настояв на заходе русских кораблей в гавани Порт-Артура и Даляньваня, несмотря на со-

²² Она получила высокую оценку как среди специалистов по отечественной истории, так и у востоковедов (Никифоров В.Н. Борис Александрович Романов (к восьмидесятилетию со дня рождения) // Народы Азии и Африки. 1969. №3. С.206–210; он же. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970. С.341–345).

противление министра финансов. Правда, позднее, при В.Н. Ламаздорфе – министре иностранных дел, МИД, по замечанию Б.А. Романова, превратился «как бы в подчинённый орган» Министерства финансов, «и шагу не делавший без ведома министра финансов» (С.VIII). Но оставался ещё А.Н. Куропаткин (военный министр с 1898 г.), чьи представления далеко не всегда совпадали с позицией С.Ю. Витте и который не стеснялся возражать коллеге, а также Морское министерство. Кроме того, Б.А. Романов исходил из того, что вся активность финансового ведомства была нацелена «именно на Маньчжурию и преимущественно на Маньчжурию» в течение 15 лет (1892–1906) (С.VI). В принципе, так оно и было, но это не должно оставлять вне сферы внимания политику в Корее. Только в их переплетении можно понять некоторые шаги Петербурга в Северном Китае. Корейская же политика России не получила внятного отражения в книге «Россия в Маньчжурии». Нельзя согласиться с представлением Б.А. Романова об агрессивном характере русской политики в Корее с середины 1880-х гг. (С.140): оно не имеет фактических подтверждений и полностью отвергается современными исследованиями.

Несмотря на то, что нет никаких оснований относить Б.А. Романова и его книгу как принадлежавшие направлению М.Н. Покровского, тем не менее, автор в общих заявлениях не противоречил представлениям «главного советского историка». Он трактовал дальневосточную политику России как смесь феодально-самодержавной (силовой) и виттевской (экономической) экспансии, не проводя между ними чёткой грани. Б.А. Романов не разделял по характеру действия С.Ю. Витте и его оппонентов (А.Н. Куропаткин, Николай II, безобразовцы) (С.51). Историк связывал курс министра финансов с интересами так называемого «финансового капитала», олицетворявшимся Петербургским Международным коммерческим банком (С.IX). Но как следует из его же книги, деньги, которые использовал С.Ю. Витте для дальневосточной политики России, были исключительно государственного, казённого происхождения. Частный капитал не шёл на Дальний Восток, наоборот, оттуда наблюдался его отток. Отчасти противореча себе, Б.А. Романов почему-то считал, что чем больше было участие казны в дальневосточных предприятиях, тем более «боевой» характер носила политика России в регионе (С.X). Здесь оценка должна быть скорее обратной: эффективность использования государственных средств оказывалась всегда ниже, чем у частных, а псевдочастные компании, действовавшие за казённый счёт, не демонстрировали особой активности, спокойно используя государственный ресурс (например, КВЖД). Тем не менее, одна из несомненных заслуг Б.А. Романова – это создание богатой фактами картины межминистерских разногласий при определении курса России на Дальнем Востоке. Правда, по моему мнению, он несколько недооценивает этот фактор, преувеличивая влияние С.Ю. Витте.

Несмотря на то, что «академическое дело» 1929–1931 гг. сильно повлияло на жизнь историка, Б.А. Романов не отказался от дальнейшей работы по дальневосточной тематике, невзирая на значительно усложнившиеся условия и многочисленные трудности (например, в 1935 г. он получил отказ в допуске в архив)²³. В 1947 г. он издал первое, а в 1955 г. – второе, значительно дополненное издание «Очерков дипломатической истории русско-японской войны». Эта книга оказалась построена иным образом, чем «Россия в Маньчжурии». Биограф Б.А. Романова В.М. Панеях пишет, что историк решил делать её как «американский монтаж на тему о стержневом положении США в 1905 г.», никак не комментируя такой авторский замысел²⁴. Между тем, он нуждается по меньшей мере в объяснении. Общепринято, что в основе русско-японской войны лежали неудачные действия России, агрессивная позиция Японии и закулисные манёвры Англии. Откуда же здесь взялось «стержневое положение» США, которые тогда не требовали себе ничего, кроме свободы торговли на всём Дальнем Востоке и равных условий? Между тем, сам Б.А. Романов объяснил свой «американский монтаж» весьма откровенно: «задача общая – американизировать изложение сплошь. Хочу отодвинуть несколько вперёд японо-русский конфликт с тем, чтобы он оказался на фоне уже состоявшегося англо-американского оплетения Китая и Кореи (примерно с 70–80-х гг.)». Он также решил ввести «англо-американскую тему» (такое объединение политики двух стран нельзя признать обоснованным) с 1895 г., «чтобы франко-германо-русское вмешательство опять легло на англо-американский фон. Борьбе за захваты в Китае 1898 г. я предположу американско-гавайский эпизод 1897 г. Внутрь событий 1898 г. вгоню американско-испанскую войну купно с Филиппинами, из которой (! – И.Л.) выведу провозглашение политики «открытых дверей» 1899 г. В боксёрский отрезок включу американскую попытку покуситься на порт в Китае (была такая мельком!)» и т.д. Но главное – почему Б.А. Романов решил произвести столь радикальный пересмотр картины международных отношений на Дальнем Востоке – прозвучало далее. «Ибо думаю, что читателю сейчас необходимо дать себе отчёт, что Трумен – это переродившийся по последнему слову атомной моды Теодор Первый»²⁵.

²³ Панеях В.М. Указ. соч. С.151.

²⁴ Там же. С.351.

²⁵ Б.А. Романов – А.Л. Сидорову 30 декабря 1950 г. // ОР РГБ. Ф.632. К.90. №29. Л.12–13. Б.А. Романов писал столь подробно о своей будущей книге А.Л. Сидорову не только как коллеге, но и как будущему редактору. Понятно, почему А.Л. Сидоров уклонился от редактирования книги Б.А. Романова: он не разделял представление о приоритетности «англо-американской темы». Ещё в 1946 г. А.Л. Сидоров подготовил большую статью о Портсмутском мире (Там же. К.4. №4. Л.49–89). Опираясь в основном на опубликованные источники, он показал, что великие державы, в том числе Англия и США были заинтересованы в прекращении войны в большей

Кроме осовременивания истории в угоду официальному антиамериканизму, Б.А. Романов также произвёл переоценку некоторых своих представлений о дальневосточной политике России. Если в 1928 г. исследователь сблизил безобразовцев и С.Ю. Витте, то в середине 1950-х гг. он уже однозначно разделил их «политики»: буржуазная – у министра финансов, помещицья – у царя и его окружения²⁶. Желание быть полезным власти сыграло с автором злую шутку. Несмотря на тщательную работу над многотомными публикациями документов (французской, немецкой, английской), многие интересные и точные наблюдения, книгу нельзя назвать однозначно успешной. «Американский монтаж», стремление соответствовать официальным установкам оказались главной проблемой автора, так как их произвольность и искусственность сразу бросались в глаза неангажированным читателям²⁷.

Кроме Б.А. Романова дальневосточную политику империи конца XIX – начала XX вв. изучал другой советский историк – Александр Львович Попов. У него была похожая биография: чуть старше Б.А. Романова (родился в 1888 г.), также окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, учился у А.Е. Преснякова, В.Н. Строева, а после 1917 г. работал в системе Главархива. Их пути разошлись в 1919 г.: если Б.А. Романов продолжал службу в Петрограде, то А.Л. Попов трудился в Костроме, Симбирске, Баку и лишь в 1923 г. переехал в Москву. Там он стал архивистом-консультантом Архива внешней политики, а с 1929 г. участвовал в деятельности комиссии по изданию документов эпохи империализма. Его профессиональная судьба сложилась благополучнее, чем у Б.А. Романова: он не подвергся репрессиям, в 1935 г. стал научным сотрудником Института истории АН СССР, в 1942 г. ему была присуждена степень доктора исторических наук без защиты диссертации. Тем не менее, и его возможность работать в архивах со второй половины 1930-х гг. значительно сократилась. До этого А.Л. Попов успел подготовить ряд публикаций по истории восточной политики России во второй половине XIX – начале XX вв. (к 1931 г. – 11), преимущественно из документов

степени, чем Япония и, особенно, – Россия. Это был подход, противоположный установкам Б.А. Романова.

²⁶ Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.:Л., 1955. С.105–107, 112–113, 212–214. Ранее Б.А. Романов выделил даже три течения в русских правящих кругах по проблемам Дальнего Востока: С.Ю. Витте и В.Н. Ламздорф; А.Н. Куропаткин; Николай II и безобразовский кружок (Романов Б.А. Витте накануне русско-японской войны // Россия и Запад. Кн.1. Пг., 1923. С.141). Эта оценка была напрочь лишена всякой «классовости». Однако следует заметить, что отождествление Николая II и безобразовцев являлось едва ли оправданным.

²⁷ Ростов А. [Сигрист С.В.] «Дело Академии Наук» // Возрождение (Париж). 1958. Тетрадь 84. С.119.

внешнеполитического ведомства. Они и сейчас имеют важное значение, так как других изданий этих материалов просто нет. Он также представил на суд читателей несколько статей. У него были написаны и книги, в частности – монография о русско-японской войне, которая, к сожалению, осталась неопубликованной²⁸. Исследовательский подход А.Л. Попова отличался от приёмов работы Б.А. Романова. Он пришёл к иному, чем Б.А. Романов, пониманию сущности и особенностей внешней политики самодержавия. В частности, А.Л. Попов подчёркивал не только её агрессивность, но и преобладание в ней «военно-захватнических методов». Применительно к дальневосточной политике историк усматривал переплетение методов империализма (экономических) и предшествовавшей эпохи (военно-захватнических) с доминированием последних²⁹. Мне кажется, что такая оценка точнее, чем представления Б.А. Романова.

Удивительно, но о дальневосточной политике России написал исследование ещё один выпускник Петербургского университета – Фридрих фон Штайнман, учившийся примерно в одно время с Б.А. Романовым и А.Л. Поповым и закончивший в 1913 г. историко-филологический факультет (он занимался Византией, его учителями были В.Н. Бенешевич и А.А. Васильев). В 1920 г. Ф. фон Штайнман эмигрировал в Германию, в 1926 г. поступил на работу в Берлинский университет Фридриха-Вильгельма и в 1931 г. защитил там диссертацию о дальневосточной политике России³⁰. Так же, как и Б.А. Романов, Ф. фон Штайнман не доверял публикациям документов «от Витте», считая их малодостоверными. Но в отличие от Б.А. Романова, он опирался в основном на материалы архива немецкого Министерства иностранных дел и на бумаги В.М. Вонлярлярского, находившиеся в Берлине, к которым историк получил доступ. Поэтому дальневосточный курс Петербурга автор представил прежде всего через призму деятельности безобразовцев. Ф. фон Штайнман полагал переломным моментом в политике России захват Порт-Артура и Даляньваня, после чего отношения с Китаем и Японией резко ухудшились. Ошибкой, по

²⁸ Её текст находится в архиве Института российской истории РАН (Ф.Б. Разд.3. Д.17. Л.1–214). К сожалению, бумаги историка сохранились лишь частично (Мендельсон В.И. А.Л. Попов – историк внешней политики России и международных отношений // История и историки. Историографический ежегодник 1971. М., 1973. С.252–273).

²⁹ Попов А.Л. Вступительная статья к публикации «Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888–1903 гг.)» // Красный архив. 1932. №3 (52). С.41; Мендельсон В.И. А.Л. Попов – историк внешней политики России и международных отношений // История и историки. Историографический ежегодник 1971. М., 1973. С.264.

³⁰ Steinmann F. Ruslands Politik im Fernen Osten und der Staatssekretar Bezobrazov. Leipzig, 1931. Диссертация Ф. фон Штайнмана не издана, опубликован было только её краткое изложение, наподобие нашего автореферата, но значительно большего объёма (66 страниц).

его мнению, явились нерешительность и колебания российского руководства, а также противоречивые действия. Вместо этого России, согласно рецепту безобразовцев, после заключения договора об аренде Порт-Артура следовало бы захватить и Северную Корею. Много места в исследовании уделено истории безобразовского предприятия на р. Ялу. Ф. фон Штайнман отвёл все обвинения в адрес безобразовцев в том, что именно их политика явилась причиной русско-японской войны. Он выдвинул контрверсию: конфликт возник не из-за Кореи, а из-за Маньчжурии, повторив японскую официальную точку зрения.

В 1931 г. в СССР вышла книга В.Я. Аварина (Аболтина) «Империализм в Маньчжурии» (в 1934 г. появилось второе, значительно дополненное издание этого исследования). Основное место в ней было уделено событиям в Северном Китае после русско-японской войны, на период до 1905 г. автор отвёл чуть более 100 страниц. По обстоятельности эта монография значительно уступала книге Б.А. Романова, её скорее можно назвать кратким очерком. Но выполнен он был тщательно, с использованием документов Архива внешней политики Российской империи. Как и Б.А. Романов, В.Я. Аварин искал прежде всего экономическое объяснение борьбы великих держав на Дальнем Востоке. Россия не являлась исключением: по мнению автора, политика Петербурга в регионе стремилась защитить коммерческие интересы в Маньчжурии и Корее³¹. Так же, как и М.Н. Покровский, В.Я. Аварин разделил политику России на буржуазную (С.Ю. Витте) и авантюрную, осуществлявшуюся «главенствующей камарильей» с Николаем II. Но в отличие от Б.А. Романова, показывавшего доминирование С.Ю. Витте, В.Я. Аварин отдал безоговорочное превосходство «крепостникам»³². По его мнению, «эта группировка крепостников наложила в тот период своеобразный отпечаток на всю государственную жизнь России, полностью повернув в сторону удовлетворения своих узких интересов руль государственной политики, уклонявшийся временами в сторону удовлетворения интересов буржуазии»³³. Среди «крепостнической камарильи» он и искал виновных в русско-японской войне, упрекая Б.А. Романова за то, что тот указывал в первую очередь на С.Ю. Витте³⁴. Кроме того, если у Б.А. Романова на Дальнем Востоке действовали люди, то у В.Я. Аварина – исключительно «классовые интересы». Также книгу В.Я. Аварина, несмотря на опору на

³¹ Аварин [Аболтин] В.Я. Империализм в Маньчжурии. Т.1. Этапы империалистической борьбы за Маньчжурию. 2-е, пересмотренное и дополненное издание. М.:Л., 1934. С.30.

³² В этом можно усмотреть некоторый положительный момент, так как автор подчеркнул, что уже в 1900 г. С.Ю. Витте не оказывал решающего влияния на дальневосточную политику России (Аварин [Аболтин] В.Я. Указ. соч. С.80). Это было справедливое замечание.

³³ Там же. С.70.

³⁴ Там же. С.78.

документы, отличает большое количество мелких неточностей. В целом она в историографии – скорее шаг назад по сравнению с работами Б.А. Романова и А.Л. Попова из-за примитивных исследовательских установок автора. Однозначно: тема дальневосточной политики России не нашла в лице В.Я. Аварина перспективного развития.

Однако подход В.Я. Аварина получил в будущем продолжение, в частности, в большой монографии А.Л. Нарочницкого³⁵. Книгу будущего академика отличала огромная фактическая база, состоящая как из архивных, так и опубликованных документов, широкого использования периодической печати, в том числе газет. Исследователь также скрупулёзно учёл работы предшественников, продемонстрировав к ним «классовое отношение». Однако собранным им фактам он постоянно навязывал заданную схему и оценки. Согласно А.Л. Нарочницкому, экспансия России в Азии отражала не только интересы отечественной буржуазии, но и «задерживала обострение классовых противоречий» в центре империи, позволяя тем самым «реакционному царскому правительству временно укреплять своё положение» (С.351). Вскрывая «классовую сущность» действий Петербурга на Дальнем Востоке как «реакционную», он, тем не менее, отмечал, что политика России носила менее агрессивный характер, чем других великих держав: «Царская Россия, несмотря на захватнический характер политики царизма, не могла быть инициатором агрессивных действий <...> Её политика на Тихом океане развивалась <...> под знаком отставания самодержавно–помещичьей России от более развитых в капиталистическом отношении государств» (С.362). В качестве главного агрессора А.Л. Нарочницкий выделил США, ставя буквально всякое лыко в строку Вашингтону (даже покупка Аляски – это, оказывается, не самоцель, а лишь приобретение плацдарма для будущего наступления на Восточную Сибирь и т.д.). «Свобода торговли» – это, прежде всего, разновидность закабаления, метод экспансии. Тем не менее, благодаря добротной фактической базе и отдельным тонким наблюдениям его книга сохраняет важное значение. Для советской историографии она подчеркнула важность использования максимально широкого круга источников.

Известный революционный деятель и историк Ф.А. Ротштейн несколько десятилетий работал над исследованием международных отношений эпохи империализма³⁶. Он предполагал довести его до 1914 г., но не успел, изданный после его кончины текст охватил полностью лишь конец XIX века. В общем, это общий очерк истории международных отношений за 1880–е–1890–е гг., выполненный историком–марксистом. Несмотря на то, что в этой большой по

³⁵ Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М., 1956.

³⁶ Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX века. М.:Л., 1960.

объёму книге, базирующейся на публикациях документов по международным отношениям конца XIX века, по большому счёту, мало нового, автор не столь преувеличенно, как А.Л. Нарочницкий, изображал агрессивность политики великих держав на Дальнем Востоке. Нет у него и «стержневой роли американского империализма». Уже по этим причинам это большое незаконченное исследование заслуживает внимания.

В «поздней» советской историографии дальневосточные сюжеты присутствовали в небольшом количестве и трактовались с осторожностью. Вместо анализа в них изобиловали общие оценки и представления. «Обличение» российской политики сменилась на стремление «обелить» её действия. Особенно выпукло эти установки проступили в общих работах, приведя авторов к весьма противоречивым и никак не стыкующимися между собой утверждениями. Так, в коллективной «Истории Дальнего Востока в эпоху феодализма и капитализма» констатировалось, что Россия двинулась на Дальний Восток по двум причинам. Первая из них – это экспансия в регионе других держав, в первую очередь – США, на которую Петербург был вынужден ответить. Вторая – это заинтересованность «русской буржуазии» в китайском рынке для сбыта промышленной продукции и железнодорожном строительстве (игнорируя тот факт, что всё оно осуществлялось исключительно на казённые средства). Оказывается, что политика С.Ю. Витте выражала взгляды именно этой группы³⁷. Утверждая это необъяснимое стремление «русской буржуазии» на Дальний Восток, авторы признавали весьма низкий уровень экономического развития русской окраины и отсутствие надежд на быстрые перемены. Они смотрели на регион как на колонию (!) России, развитию которой действия министра финансов только препятствовали. Так, строительство КВЖД задержало экономическое освоение Амура³⁸. Пересмотрены были также оценки отношений с Китаем. Если ранее Россия изображалась агрессором, то теперь утверждалась вечно доброжелательная позиция Петербурга к своему дальневосточному соседу. Железная дорога в Маньчжурии служила не более чем средством спрямления Сибирской магистрали и принесла только положительные результаты, в частности, способствовала росту торговли с Китаем³⁹. В целом, сильнейший идеологический пресс на исторические исследования продиктовал их выводы и формулировки. Можно сказать, что к концу СССР создалась виртуальная история русско-китай-

³⁷ История Дальнего Востока в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – 1917). М., 1991. С.289–295.

³⁸ Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма. Сборник научных трудов. Под редакцией академика А.И. Крушанова. Владивосток, 1989.

³⁹ История Северо-Восточного Китая XVIII–XX вв. Кн.1. Владивосток, 1987. С.288–294.

ских отношений, политизированная для доказательства «вечной дружбы» России. Конечно, эти установки сказывались на исследованиях по-разному. Например, в книге Г.Н. Романовой, посвящённой русской торговле с Китаем, получилась картина её успешного поступательного развития, не омрачённая какими-либо проблемами⁴⁰. Но ценность монографии состоит в основном в сообщении значительного количества фактического материала.

Одновременно, к концу советской эпохи, наметился и отход от установленных стереотипов. В частности, его отразила вышедшая в 1989 г. книга А.В. Игнатъева о дипломатической деятельности С.Ю. Витте⁴¹. Она явилась первым за многие годы исследованием, в котором автор не искал ни «военно-феодальной», ни «империалистической» политики России на Дальнем Востоке, то есть, не давал «классовых оценок». Он показал действия министра финансов на широком фоне международных отношений и внутренних проблем России, в том числе экономических, а также непростых взаимоотношений среди российских сановников. Конечно, в целом, картина, представленная А.В. Игнатъевым, была уже хорошо известна. Другая особенность книги – это явные симпатии автора к своему герою. С.Ю. Витте представлен у него как политик, для которого на первом месте стояли интересы России (С.8) и который во имя их добивался больших успехов. Например, соглашения о КВЖД 1896 г. (С.49). А.В. Игнатъев не скрывает, что у министра финансов имелись и значительные неудачи, например, сепаратные переговоры с Китаем (С.147). Признавая противоречивость поступков своего героя (С.129), в целом историк очень высоко оценил действия С.Ю. Витте, хотя и констатировал их неоднозначный итог: промежуточные успехи и невозможность достичь конечной цели⁴². Несмотря на то, что автор также отчасти преувеличил агрессивность безобразовцев и оказался склонен многое простить министру финансов, книга привлекает широтой подхода, богатой эрудицией исследователя, использованием некоторого количества новых источников. Главная заслуга автора – отказ от штампов советской историографии.

К столетнему юбилею начала русско-японской войны появилось посвящённое ей большое иллюстрированное двухтомное исследование В.А. Золотарёва и Ю.Ф. Соколова, претендующее одновременно на популярность и фундаментальность⁴³. Работу отличает широкое использование различных, в том числе архивных, источников, пристальное внимание к историографии,

⁴⁰ Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 1987.

⁴¹ Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. М., 1989.

⁴² Там же. С.9.

⁴³ Золотарёв В.А., Соколов Ю.Ф. Трагедия на Дальнем Востоке: русско-японская война 1904–1905 гг. Кн.1–2. М., 2004.

особенно зарубежной (японской). Несмотря на то, что речь в книге идёт в основном о военных действиях, авторы остановились также и на предыстории конфликта. Она оказалась разбита на две части. Обострению русско-японских отношений накануне войны историки посвятили один из параграфов работы (Т.1. С.75–115), где кратко изложили главные проблемы дальневосточной политики России с середины 1890-х гг. Обращает на себя внимание то, что относительно много места В.А. Золотарёв и Ю.Ф. Соколов уделили авантюристичной, по их оценке, деятельности безобразовцев (С.93–100). Отдельно от основного текста оказалась представлена «историческая справка» под названием «Развязывание русско-японской войны 1904–1905 гг. и отношение к ней иностранных государств» (Т.1. С.249–306). В ней речь идёт о последних русско-японских переговорах, преимущественно – об их завершающей фазе декабря 1903 – января 1904 гг. Впервые в отечественной историографии авторы увязали выход Тихоокеанской эскадры с рейда Порт-Артура на манёвры 22 января (4 февраля) 1904 г. и последовавшее за этим решение Токио начать войну как причину и следствие (С.278–279). В целом же, несмотря на краткость, в исследовании даны некоторые новые оценки, основанные на критическом отношении к дальневосточной политике Петербурга рубежа XIX–XX столетий.

Англоязычные исследования, особенно до Второй мировой войны, посвящённые российской внешней политике, базировались в основном на материалах Форин оффиса и чаще всего разделяли оценки и соображения, почерпнутые у британских дипломатов. Для англоязычной историографии справедливо заключение Дж. Лензена, констатировавшего, что большинство западных историков основывались на ограниченном количестве источников, касавшихся российской дипломатии, что предопределило «историографический круг», когда авторы часто цитировали друг друга, не двигаясь вперёд. «Корень проблемы находится не в намеренной фальсификации истории, а в неспособности большинства специалистов по истории международных отношений читать по-русски и в недоступности советских дипломатических архивов для того небольшого числа западных исследователей, которые владеют [русским] языком»⁴⁴. Конечно, сейчас многое изменилось, но нельзя признать, что вывод известного специалиста полностью потерял свою актуальность.

На общем фоне «старой» зарубежной историографии выделяется, пожалуй, лишь книга А. Малозёмова⁴⁵. Её автор (род. в 1910 г.) – из семьи эмигрантов, в 1930-е гг. учился в Калифорнийском университете, специализировался

⁴⁴ Lensen G.A. Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea & Manchuria, 1884–1899. Tallahassee: University Presses of Florida, 1982. Vol.II. P.835.

⁴⁵ Malozemoff A. Russian Far Eastern Policy 1881–1904. With Special Emphasis on the Causes of the Russo-Japanese War. Berkeley: University of California Press, 1958.

на истории России. В течение 10 лет А. Малозёмов готовил диссертацию по дальневосточной политике Петербурга второй половины XIX – начала XX вв. К сожалению, молодой историк скончался в 1952 г., но его не вполне законченное исследование стараниями матери всё-таки было опубликовано в 1958 г. Диссертация основана исключительно на опубликованных материалах, архивы в ней не использованы. Зато автор мобилизовал обширный круг публикаций и исследований как на русском (это и сделало его монографию заметным явлением), так и на европейских языках. В частности, он активно использовал книгу Б.А. Романова преимущественно как источник фактов. Получилась добротная выполненная PhD, но по уровню её нельзя назвать фундаментальной работой.

В представлении А. Малозёмова на Дальнем Востоке встретились колонизационные потоки Китая и России. Движение России он не увязывал с экономическими интересами: слабость внутрироссийского производства (Р.186–196), по его мнению, предопределила незначительные размеры русской торговли с Китаем во второй половине XIX века (Р.6–9). Автор видел в нём ответ на китайскую колонизацию Маньчжурии (Р.26 и далее). Однако конкретные причины и время начала активной политики Петербурга на Дальнем Востоке он не смог установить вполне определённо. А. Малозёмов – первый из историков, кто попытался также увязать интерес России к региону с «агрессивной» идеологией «восточников» (Н.М. Пржевальский, Э.Э. Ухтомский). Тем не менее, он пришёл к выводу, что в 1890–1900 гг. политика России на Дальнем Востоке не была захватнической (Р.51).

Историк почувствовал, что к началу XX века амбициозные планы С.Ю. Витте уже выдохлись, но объяснил это своеобразно. По его мнению, весной 1900 г. Россия перешла к медленным экономическим методам экспансии (Р.123), так как Сибирская магистраль и КВЖД ещё не были завершены и не позволяли Петербургу ставить на Дальнем Востоке амбициозные цели. А. Малозёмов заметил расхождения во взглядах на дальневосточную политику в российском руководстве (например, между А.Н. Куропаткиным и С.Ю. Витте во время боксёрского восстания – Р.131 и далее), но не придавал этому определяющего значения. Исследователь стал первым из историков, кто уделил значительное внимание деятельности безобразовской группы, справедливо расценив её появление как оппозицию программе С.Ю. Витте (Р.177–186 и далее). Серьёзные проблемы министра финансов он констатировал с 1902 г. (Р.196–207), но представил их в большей части как поток внешних неудач: ничего не давший сепаратный договор с Китаем, оживлённая деятельность безобразовцев и т.п., не анализируя корни этих событий. В объяснении причин русско-японской войны А. Малозёмов оказался не оригинален, повторив в основном версию, предложенную С.Ю. Витте: виноваты безобразовцы. В целом эта добротная для своего времени книга сейчас, когда появились ра-

боты, выполненные на японских, китайских и русских источниках, выглядят по содержанию и представлениям устаревшей.

Наибольшее значение в исследовании дальневосточной политики России в англоязычной историографии имеет большая монография Дж. Лензена «Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea & Manchuria, 1884–1899», опубликованная в 1982 г. Автор – Джордж Александр Лензен – из семьи русских эмигрантов, родился в Берлине 5 ноября 1923 г. В 1939 г. семья переехала в США, будущий историк участвовал во Второй мировой войне, он служил в 1943–1946 гг. в американской армии. Образование он получил в Колумбийском университете, Дж. Лензен специализировался на истории Японии и ранним русско-японским отношениям. С 1950 г. он опубликовал большое количество статей и несколько книг о международных отношениях на Дальнем Востоке, в том числе – о ранних русско-японских контактах, о Маньчжурии, подготовил издание некоторых интересных документов, в частности, изложение дневника посланника Англии в Японии и Китае Э. Сато⁴⁶. Дж. Лензен приезжал в СССР в конце 1950-х гг. Он хотел встретиться с Б.А. Романовым (не зная, что тот к тому времени уже скончался), пытался получить доступ к архивам, но потерпел неудачу. Позже из АВПРИ ему всё-таки прислали микрофильмы некоторых материалов, но исключительно из дел канцелярии министра. Конечно, этого было недостаточно для изучения дальневосточной политики России, что исследователь хорошо понимал. К сожалению, жизнь историка оборвалась трагически: Дж. Лензен погиб 5 января 1979 г. в автомобильной катастрофе, ему было всего 55 лет. После его кончины библиотека и архив историка поступили в университет Хоккайдо (Япония). Последней книгой Дж. Лензена стал «Баланс интриг», которую он окончил в 1978 г., но не успел опубликовать: получив после обсуждения критические замечания, автор намеревался внести в текст некоторые изменения⁴⁷.

Дж. Лензен – едва ли не первый из западных историков, кто обратился к истории международных отношений на Дальнем Востоке, используя английские, русские и японские архивы (он знал три европейских, русский, китайский и японский языки). Его исследование удивляет размахом фактической базы, а также аккуратной работой с ней. По точному наблюдению автора предисловия к «Балансу интриг» Дж. Стефана, его коллега являлся одним из немногих историков, у кого факты заслоняли аналитику⁴⁸. Колоссальная

⁴⁶ Korea and Manchuria Between Russia and Japan 1895–1904. The Observation of Sir Ernest Satow, British Minister Plenipotentiary to Japan (1895–1900) and China (1900–1906). Tokyo, 1966.

⁴⁷ Lensen G.A. Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea & Manchuria, 1884–1899. Tallahassee: University Presses of Florida, 1982. Vol.I–II.

⁴⁸ Lensen G.A. Op. cit. Vol.I. P.XI.

фактическая база позволила Дж. Лензену показать картину политики великих держав в Маньчжурии и Корее, во многом отличную от других работ англоязычной историографии. Применительно к России историк отказался от традиционного преувеличения её агрессивности в регионе, отметив, что с 1881 г. Петербург стремился к сохранению status quo в регионе (Р.850). Первым из исследователей он подчеркнул противоречивость курса Петербурга, показав неспособность министров финансов, иностранных дел, военного и морского договориться о проведении согласованного и последовательного курса (Р.839). У Дж. Лензена маньчжурская и корейская политики увязаны – это подход, не присущий отечественной историографии. Историк также не подходил к дальневосточной политике России с излишней прямолинейностью, свойственной ряду общих работ, авторы которых представляли её как путь к русско-японской войне. Он полагал, что захват Порт-Артура нельзя рассматривать как причину русско-японской войны, наоборот, договор об аренде открывал путь к русско-японскому соглашению, дальневосточной «антанте» (Р.851). Соответственно, у него нет попыток представить российский «империализм» либо «военно-феодалную политику самодержавия» как причины войны. Они – в конкретных политических решениях, а не в природе строя или основах политики. Это понимание, вытекающее из книги Дж. Лензена, кажется весьма важным для изучения дальневосточного курса России.

Одна из последних книг о судьбе Маньчжурии во второй половине XIX – первой половине XX вв. принадлежит перу американского историка Сары Пэйн⁴⁹. Она сосредоточила своё внимание на политике России в Китае на протяжении нескольких десятилетий. В частности, третья глава её монографии охватывает период 1896–1905 гг. (Р.178–268). Текст С. Пэйн отражает современный уровень исследований: автор использовала литературу и архивные материалы из России, Китая, Японии. Однако авторский подход упростила многосторонность источниковой базы: С. Пэйн проводит как основную мысль о неизменной агрессивности политики России в Китае, в частности в Маньчжурии. Для автора важно предположение, превратившееся в аксиому, что эта агрессивность была значительно выше, чем у других великих держав. Для аргументации такого понимания исследовательница постоянно вплетает в контекст политики все возможные предложения об аннексии тех или иных территорий, в том числе исходившие часто от местных чиновников, забывая о том, что эти инициативы далеко не всегда встречали поддержку Петербурга. Надо также иметь в виду значительную дистанцию в российской политике между мечтаниями и реальными действиями. Неопределённые желания завладеть всей Маньчжурией и Кореей не подкреплялись разработкой и тем более

⁴⁹ Paine S.C.M. *Imperial Rivals: China, Russia and Their Disputed Frontier, 1858–1924*. N.Y., 1996.

осуществлением конкретных планов, большей частью оставаясь в области общих рассуждений. Такое же положение дел можно, например, зафиксировать в политике России по отношению к Англии (вроде «освободить» от англичан Индию, выдать их из Персии и т.п.), но это не даёт оснований усматривать в шагах Петербурга постоянную повышенную агрессивность. Конечно, справедливости ради, надо признать, что мысль о грядущем присоединении Кореи и Маньчжурии к России к началу XX века стала общим местом в представлениях многих деятелей, связанных с дальневосточной политикой. Однако эти мечтания отражали не только агрессивность, но и ожидание скорого, как тогда казалось, раздела Китая, и связанного с ним опасения за границы собственных владений: Петербург категорически не хотел увидеть рядом со своими дальневосточными рубежами очередные британские владения.

С другой мыслью С. Пэйн также сложно согласиться. Она сглаживает агрессивность политики Японии, выводя её как неизбежную заботу о собственной безопасности после того как Россия в 1900 г. оккупировала Маньчжурию (225, 234 и др.). В целом, несмотря на использование широкого круга материалов, в том числе и архивных, книга не выглядит оригинальной, приведённые оценки в общем уже давно известны в историографии. Автор не сумела сделать их более убедительными.

Одной из последних работ по истории Маньчжурии является книга американского исследователя Дэвида Волфа⁵⁰. Автор поместил в центр внимания не политические сюжеты, а формирование в Маньчжурии в связи со строительством КВЖД уникального анклава. Д. Волф видит в нём оригинальное явление, он рассматривает это в связи с русскими жителями бассейна р. Амур, которых, вслед за Д. Стефаном, называет «амурцами», подчёркивая, что они отличались от россиян, проживавших по другую сторону Уральского хребта. Книга посвящена истории формирования уникальной мультиэтнической общности в Харбине, создавшей свою особую культуру, где встретились и проявились как азиатские, так и европейские черты.

В 1985 г. в Англии в серии «Происхождение современных войн» увидела свет книга английского историка, специалиста по англо-японским отношениям Яна Ниша о возникновении русско-японской войны⁵¹. Автор откровенно сообщил читателю, что у него слишком мало сведений о том, как вырабатывалась и осуществлялась русская дальневосточная политика, это стало пробелом в его исследовании. Для её изложения он пользовался преимущественно английскими и японскими источниками. Я. Ниш использовал также некоторые работы и публикации на русском языке, но их число невелико.

⁵⁰ Wolff D. To the Harbin Station. The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914. Stanford, 1999.

⁵¹ Nish J. The Origins of the Russo-Japanese War. L.:N.Y., 1985.

Его книга – это популярное изложение событий, происходивших на Дальнем Востоке в последнее десятилетие перед войной. Заслуга британского историка прежде всего в том, что уделил большое внимание русско-японским отношениям. Однако в тексте заметно доминирующее влияние японской точки зрения на происхождение конфликта. Автор видит главную причину войны не в Корее или захвате Россией Порт-Артура, а в русской оккупации Маньчжурии в 1900 г. (Р.70) – Петербург решил остаться там, а это противоречило принципу «открытых дверей» (Р.93). Японская политика предстаёт под его пером в высшей степени миролюбивой, а нападение на Россию – как вынужденная акция. Я. Ниш полагает, что Япония была действительно заинтересована в Маньчжурии, а Корея являлась отдельной от неё проблемой (Р.100). В этом контексте он отвергает значение англо-японского союза как важнейшей предпосылки войны (Р.130). Надо признать, что такие суждения не выглядят убедительными. Конечно, в советской историографии существовало не подтверждаемое фактами убеждение, что цель Японии – война (именно цель, а не средство). Разумеется, в Токио рассматривали военный конфликт лишь как крайнюю меру, мир казался предпочтительнее. Но англо-японский союз сделал для Японии нападение на Россию возможным, без него и финансовой поддержки США война вряд ли имела бы место.

Много места Я. Ниш уделил последним русско-японским переговорам (Р.132–137, 183–187, 192–213). Он полагает, что японский кабинет не собирался сражаться из-за Маньчжурии (Р.197) (это несмотря на то, что имел там интересы) и что вопрос о войне не был окончательно решён до последнего момента. Тем не менее, историк признаёт, что в Токио решили воевать до того, как получили последние русские предложения – «компромисс», который пытался задержать Т. Хаяши (Р.210). Я. Ниш стремится дезавуировать их, усматривая в последнем слове Петербурга не позицию, а дипломатическую уловку, сделанную для того, чтобы обвинить Японию в развязывании войны (Р.213). Он также пытается найти конкретных лиц, виновных в войне (Р.245–253). С российской стороны он считает таковым Е.И. Алексеева, а С.Ю. Витте – нет (Р.250–253). Любопытно, что британский историк не придаёт большого значения безобразовцам. Похоже, что его окончательная оценка – оправдание политики Японии – являлась изначально заданной.

Последним общим исследованием о внешней политике России начала XX века в англоязычной историографии является книга Дэвида Мак Доналда⁵². Автор уделил значительное внимание тому, как эта политика готовилась, кто принимал и осуществлял решения. Первые три главы он посвятил дипломатической предыстории русско-японской войны (Р.9–75). Д. Мак Доналд смо-

⁵² Mac Laren Mc Donald D. United Government and Foreign Policy in Russia, 1900–1914. Cambridge (Mass.), 1992.

трет на дальневосточную политику как на путь к войне. К сожалению, и его документальная база – в основном опубликованные материалы, а также архив С.Ю. Витте, хранящийся в РГИА (как можно понять, она является такой не по вине автора). Особенно часто Д. Мак Доналд обращался к дневнику А.Н. Куропаткина, большая часть которого увидела свет в 1920-е гг. Не удивительно, что историк воспроизвёл многие уже имеющиеся в литературе оценки и суждения, не все из которых являются точными. Например, легенду о «маленькой победоносной войне» В.К. Плеве (Р.71). Или – излишне прямолинейное представление о позиции Николая II в 1903 г. как объединении двух разных политик (Р.70). Вместе с тем, следует отметить, что большинство суждений и заключений Д. Мак Доналда вполне справедливо. К примеру, о длительной, до конца 1903 г. симпатии царя политике Е.И. Алексеева или о системном кризисе власти к этому времени и т.д. Дальневосточный «тупик» России Д. Мак Доналд представил по большей части как противостояние «триумвирата» (С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорф – А.Н. Куропаткин) и безобразовского кружка (которому автор уделил немало места), начиная его чуть ли не с 1897 г. (Р.41). Дипломатия 1903 г. выглядит у исследователя соревнованием записок и выступлений, а интересы, за ними стоявшие, понятны далеко не всегда.

Российскому «восточничеству», о котором впервые написал А. Малозёмов, посвящена монография Дэвида Схimmelпенника ван дер Ойе⁵³. Его книга опирается на большое количество архивных источников, в том числе российских. Интерес автора сконцентрирован на влиянии идеологии на внешнюю политику России, хотя он и признаёт, что она редко играла направляющую роль (Р.9). Историк отметил общее для русских и европейцев отношение к Азии как к громадной территории, предназначенной для завоеваний (Р.94). В живом, полухудожественном стиле с многочисленными экскурсами в самые разные стороны Д. Схimmelпенник ван дер Ойе представляет в первой части монографии биографии своих основных персонажей (Н.М. Пржевальского, Э.Э. Ухтомского, В.С. Соловьёва, П.А. Бадмаева, А.Н. Куропаткина). Несмотря на то, что всех их объединял интерес к Востоку, исследователь отмечает значительные различия в мировоззрении своих героев (А.Н. Куропаткин и В.С. Соловьёв, например, больше склонялись к признанию «жёлтой опасности» – Р.102–103) и в степени их влияния на политику. Во второй части книги (около 100 страниц), где основное внимание уделено общей характеристике российской дальневосточной политики, начиная с Александра III, историк постоянно отмечает разницу во взглядах в российском руководстве – может быть, более акцентированно, чем многие другие авторы.

⁵³ Schimmelpenninck van der Oye D. *Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan*. DeKalb, 2001.

В целом в историографии как отечественной, так и зарубежной получается весьма неоднородная картина российской дальневосточной политики рубежа XIX–XX веков. Есть серьёзные и многочисленные разногласия в оценке степени её агрессивности, далеко не всегда чётко формулируются намерения Петербурга. Большинство авторов ищут ответ на тему, что явилось причиной русско-японской войны, и ответы эти значительно расходятся (от стротительства Сибирской железной дороги до завершающего раунда последних перед войной переговоров Токио и Петербурга). Историки используют самый разный круг источников, но в большинстве, если не во всех случаях, можно говорить об их ограниченности (по многим причинам). Наконец, нет окончательного вывода: была ли война неизбежна, а если нет – то что именно привело к вооружённому конфликту, потрясшему весь регион и сейчас, когда после его завершения прошло уже более 100 лет, рассматриваемому как World War Zero.